

УДК 82-7

DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-90-105

**«Вспугнутая “романами” муза»:
о творчестве сибирского поэта и романиста В. В. Курицына
(«Не-Крестовского»)**

М. В. Могилатова, Н. В. Жилиякова

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

Рассматривается литературное наследие томского поэта и беллетриста Валентина Владимировича Курицына, автора авантюрных романов, сатирических произведений, стихотворений. Выстраивается хронология публикаций Курицына от первых очерков и стихотворений в периодической печати до авантюрных романов, которые выходили отдельными изданиями. Выявляются тематические и содержательные особенности произведений, специфика романа «Томские трущобы», написанного под псевдонимом «Не-Крестовский», в сопоставлении с «Петербургскими трущобами» В. Крестовского. Делается вывод о значимости «забытого автора» для сибирской словесности и о необходимости дальнейшего исследования его творчества.

Ключевые слова

Сибирь, журналистика, цензура, Курицын

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00352А «“Секретно. Конфиденциально”»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)»

Для цитирования

Могилатова М. В., Жилиякова Н. В. «Вспугнутая “романами” муза»: о творчестве сибирского поэта и романиста В. В. Курицына («Не-Крестовского») // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 90–105. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-90-105

***Scared “by Novels” Muse:
About the Work of the Siberian Poet and Novelist V. V. Kuritsyn
(“Ne-Krestovsky”)***

M. V. Mogilatova, N. V. Zhilyakova

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

The article examines the literary heritage of the Tomsk poet and fiction writer Valentin Vladimirovich Kuritsyn, the author of adventure novels, satirical works, and poems.

© М. В. Могилатова, Н. В. Жилиякова, 2020

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

Biographical information about Kuritsyn is very scarce. It is known that he was born in the city of Barnaul, Tomsk province on July 28, 1879, was educated at the Barnaul Mining School, then worked in private gold mines, due to health problems he moved to Tomsk for permanent residence, where he began to work in the management of the Siberian Iron roads. On January 18, 1911, he died of consumption at the age of just over 30.

In Tomsk, Kuritsyn was published in local newspapers and magazines: “Sibirskii nablyudatel”, “Sibirskie otgoloski”, “Sibirskii Vestnik”, as well as in satirical magazines of the period of the First Russian Revolution. Fame and success brought him adventure novels, which he signed with the pseudonym “Ne-Krestovsky”. This pseudonym and the title of the first novel – “Tomskie trushchoby” – referred the reader to the famous novel “Peterburgskie trushchoby” by Vsevolod Krestovsky. But “Tomskie trushchoby” was not a parody or a continuation: it is an independent work that described the everyday life of the Tomsk criminal world, the life of swindlers, criminals, thieves, and fallen women.

Kuritsyn’s novel was published in 1907–1908 in the newspaper “Sibirskie otgoloski”, and then was released as a separate book, the circulation of which was immediately sold out. After that, the same newspaper published novels in which all the same heroes acted: “Chelovek v maske” and “V pogone za millionami.”

The novels of “Ne-Krestovsky” opened a new page in the history of Siberian literature. They represented a new kind of Siberian “newspaper novel” – criminal, adventure, adventurous, with elements of mysticism.

These novels were extremely popular among the general public. At the same time, the novels were heavily criticized by leading Siberian writers and journalists. modern literary discourse allows one to take a fresh, unbiased look at the novels of Ne-Krestovsky, to open in them a connection with the world literary tradition of the adventure novel, with great success deployed on local Siberian material.

Kuritsyn was not appreciated by his contemporaries, but after a century it becomes clear that he can rightfully be attributed to the large-scale literary figures of Siberia, worthy of research attention.

Keywords

Siberia, journalism, censorship, Kuritsyn

Acknowledgments

The study was supported by the RFBR grant No. 19-012-00352A “*Secretly. Confidentially: A Censorship History of Provincial Journalism (based on periodical press of the pre-revolutionary Tomsk province)*”

For citation

Mogilatova M. V., Zhilyakova N. V. *Scared “by Novels” Muse: About the Work of the Siberian Poet and Novelist V. V. Kuritsyn (“Ne-Krestovsky”). Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 90–105. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-90-105

Одним из самых неоднозначных литераторов Томска начала XX в. был, несомненно, Валентин Владимирович Курицын, который приобрел скандальную известность среди современников как автор целой серии криминально-авантюрных романов. Самым популярным из них был роман «Томские трущобы», подписанный псевдонимом «Не-Крестовский», однако литературное наследие Курицына включает в себя и очерки, и стихотворения, и рассказы из приисковой жизни, и «революционный роман» «В зареве пожара», посвященный событиям 1905 г. в Томске (к сожалению, не оконченный). Если его поэтические опыты литераторами-современниками в целом оценивались довольно высоко, то о романах высказывания были довольно нелестными – однако именно романы «Не-Крестовско-

го» до сих пор пользуются читательским спросом и привлекают исследовательское внимание.

Биографические сведения о В. В. Курицыне крайне скудны. По имеющимся данным, Курицын родился в Барнауле Томской губернии 28 июля 1879 г., в православной мещанской семье¹. Он получил образование в Барнаульском горном училище, затем работал на частных золотых приисках, из-за проблем со здоровьем (всю жизнь Курицын страдал от легочных заболеваний) он переехал на постоянное жительство в Томск, где начал работать в управлении Сибирской железной дороги (с 1901 г.). О семейной жизни Курицына достоверной информации нет, «в свидетельстве о смерти отмечено, что прямых наследников он не имеет» [Зильберман, 2012, с. 14]. Практически не добавляет сведений о Курицыне и архивное дело, которое хранится в Государственном архиве Томской области² – по нему можно лишь проследить продвижение Курицына по «служебной лестнице» и уточнить дату его смерти.

Курицын прожил очень короткую жизнь, немногим более 30 лет. Он умер 18 января 1911 г. от чахотки, был похоронен на Вознесенском кладбище в Томске. Газета «Сибирское слово» писала 21 января 1911 г.:

19 января с. г. на Вознесенском кладбище состоялось скромное придание земле тела умершего В. Курицына. Над могилой поэта в окружении немногочисленных друзей-литераторов Г. Гребенщиков произнёс прощальную речь, которая была полностью помещена в газете «Сибирская жизнь». По окончании похорон присутствующие товарищи покойного по перу собрались у одного из товарищей и посвятили несколько часов памяти покойного. Он умер от скоротечной чахотки 32 лет от роду (цит. по: [Томский некрополь..., 2001, с. 128]).

Речь Г. Гребенщикова, которая была посвящена Курицыну, ярко отразила неоднозначное отношение известного сибирского писателя к своему «литературному брату». Он отмечал, что томской публике этот «автор местных полубульварных романов “Томские трущобы”, “В зареве пожара” и других» был известен «больше под псевдонимом “Не-Крестовский”», при этом именно на публику возлагал вину за то, что у нее был востребован «лубочный товар», «ей больше по сердцу Пинкертоны» – и поэтому «как поэт В. В. Курицын не нужен был томичам», «как поэта его не хотели знать и не знали» [Там же]. И Гребенщиков горько сожалел об отходе Курицына от своего поэтического призвания:

Поэт-то в Курицыне был и долго боролся с бульварным романистом! Долгое время борьба эта причиняла тяжкую боль Курицыну-человеку. Долгое время разрушала она в нем лучшие уголки его души, наконец, надломила организм и толкнула к единственному «русскому утешению» – рюмке... Но и беспощадность эта не вытравила в душе В. В. лучших человеческих черт, и с прекращением долгоруковских «Сибирских отголосков» – Курицын радовался случаю, что ему не нужно теперь готовить для них срочных лубочных фельетонов, – что, может быть, в глазах товарищей он вновь будет чистым, что, может быть, снова сможет призвать вспуг-

---

¹ Даты рождения и смерти В. В. Курицына в «Советской сибирской энциклопедии» 1931 года издания неверно указаны как 1878–1908 гг., что до сих пор приводит к ошибкам в публикациях об этом писателе (см.: [ССЭ, 1931, с. 1131]).

² ГАТО. Ф. 214. Оп. 24. Д. 4577.

нутую «романами» музу свою, которая у Курицына была нежной, элегически грустной и проникновенно вдумчивой... [Томский некрополь..., 2001, с. 128].

В некрологе Гребенщиков приводил в пример два стихотворения Курицына – «Казнь» и «Прости», которые, по мнению поэта, доказывали его талант и владение поэтическим словом. Оба они были посвящены размышлениям о смерти, об утрате молодости, счастья, и как нельзя лучше подходили к теме выступления Гребенщикова. Некролог заканчивался обращением к покойному собрату по перу:

Чувствовал, должно быть... И умер так, как и подобает умереть провинциальному писателю – бездомно, одиноко, всеми забытый и брошенный... Где-то в больнице на Плетневской заимке...

Ну что ж... Спи, брат! Отдыхай! [Там же].

Несмотря на общую минорную тональность этого текста (что вполне объяснимо в связи с обстоятельствами и соответствует жанру некролога), обращает на себя внимания общий достаточно критический пафос выступления известного сибирского поэта: Курицыну ставилось в вину его «рабское служение» «грубой обывательщине», хотя и находились оправдания этому положению дел. При этом следует заметить, что Гребенщиков откликнулся на смерть далеко не всех литераторов, и сам факт некролога, принадлежащего перу томского «мэтра», показывал, что в литературном мире Томска Курицын занимал очень важное место, был хорошо известен и привлекал внимание не только публики, но и своих товарищей – писателей и поэтов.

Месяц спустя после смерти Курицына уже газета «Сибирская жизнь» упомянула о нем в публикации:

29 января в 9-й день со дня кончины местного поэта В. Курицына группа томских литераторов в квартире одного из товарищей покойного скромно справила своему собрату, так сказать, литературные поминки.

Друзей собралось немного, – да их и вообще у Курицына было немного, – делились воспоминаниями, читали стихи и отрывки из рассказов покойного, и обменивались впечатлениями и мнениями о его творчестве. <...> В заключение товарищи-литераторы вынесли решение приступить к товарищескому изданию лучших произведений Курицына, для чего предпринять ряд действий к получению юридических прав на это издание, а затем собранию произведений и средств на издание (Сибирская жизнь. 1911. № 23).

К сожалению, инициатива литераторов не была реализована, и из всех произведений Курицына переизданы только его пресловутые бульварные романы. Однако Курицын попробовал себя во многих жанрах – как поэтических, так и прозаических.

Первые литературные опыты Курицына появились в томской печати практически сразу же после его переезда в Томск, в 1902 г.: в журнале «Сибирский наблюдатель» был опубликован его рассказ из приисковой жизни под названием «Подлость» (Сибирский наблюдатель. 1902. № 1). Знакомство Курицына с издателем этого журнала В. А. Долгоруковым³ определило всю дальнейшую «литературную карьеру» молодого автора: с этого времени и до конца своей жизни Курицын был постоянным участником всех газетно-журнальных проектов Долго-

³ См. о нем подробнее: [Всеволод Алексеевич Долгоруков..., 2013].

рукова [Жилиякова, 2009]. Нет никаких данных о том, на каких началах было основано это долговременное сотрудничество: может быть, главную роль играла экономическая составляющая, но могло быть и «литературное покровительство» со стороны Долгорукова, и искренняя благодарность Курицына за доступ в мир литературы. Однако среди современников долгоруковские издания не пользовались особым уважением: они считались слишком бесцветными, «тусклыми» [Крутовский, 1912, с. 302], а сам издатель имел репутацию графомана. Тем не менее основная часть произведений Курицына была опубликована именно в газетах и журналах, выходящих под редакцией Долгорукова, в других изданиях публикации появлялись эпизодически.

Очерки Курицына в «Сибирском наблюдателе» 1902–1906 гг. были основаны на его личном жизненном опыте, он осмыслял в них хорошо знакомую для себя тему – быт и нравы людей, работающих на золотых приисках. Однако Курицына интересовал не «производственный процесс», не противостояние труда и капитала, а духовная жизнь, взаимоотношения мужчин и женщин, любовные коллизии. Он тяготел к описанию трагических ситуаций, любовных неудач, что отразилось даже на уровне заголовков: «Подлость» (Сибирский наблюдатель. 1902. № 1), «Невозвратное. Из “Альбома силуэтов”» (Сибирский наблюдатель. 1904. № 11–12) и др. В мире Курицына в центре внимания находятся люди, страдающие от унижений, обмана, насилия, но они не в силах противостоять злу и разочарованию. Это мужской мир, женщины здесь покорны и безгласны, но и мужчины не достигают счастья и довольства. Тяжелую атмосферу людского страдания сглаживают описания сибирской природы – величественной, прекрасной, как бы примиряющей людей с действительностью. Так, услышав рассказ одного из приисковых рабочих о его загубленной жизни и несостоявшейся любви, герой очерка «В гостях у “летучки”» описывает свое состояние:

Я его не удерживал, да и что бы я мог сказать ему в утешение? – Мне самому стало жутко и скучно после его печального рассказа. Простое и тихое, но глубоко залегшее на душу, горе одинокого бродяги, полная трагизма судьба его, закинувшая его на чужбину, – далеко уносили мои мысли.

Темная тайга шумела...

Убаюканный ее ровным, таинственным шумом, я забылся сном (Сибирский наблюдатель. 1906. № 1).

Сюжетные ходы первых очерков и рассказов Курицына нельзя назвать оригинальными и самобытными, они были характерны для массовой литературы начала XX в. Однако этнографическая составляющая произведений, погружение читателя в атмосферу золотых приисков, манящих обывателя своей неизвестностью, сыграла роль «приманки» для читательской аудитории журнала «Сибирский наблюдатель».

Жанр очерков, выбранный В. В. Курицыным, позволил автору чувствовать себя относительно свободным в творческом воплощении своих замыслов. В очерках переплетались документальное и художественное, однако для Курицына характерна не ярко выраженная авторская позиция, а стремление к позиции стороннего наблюдателя.

Некоторые из особенностей первых очерков В. В. Курицына можно встретить в его романах, что позволяет сделать вывод о том, что первые очерки литератора

стали его «творческой лабораторией», в которой он апробировал будущие ходы и повествовательные приемы.

Кроме очерков, Курицын попробовал себя в жанре «стихотворения в прозе» (Сибирский наблюдатель. 1904. № 4), а в 1906 г. он принял активное участие в сатирической журналистике: Долгоруков в 1906 г. преобразовал «Сибирский наблюдатель» в журнал, а затем в газету под названием «Сибирские отголоски», при которой в 1906–1909 гг. выходил сатирическо-карикатурный отдел «Бубенцы». На страницах «Бубенцов» было опубликовано 16 произведений Курицына (подробнее см.: [Нисова, Жилиякова, 2017]). Он пробовал свои силы в разных жанрах: диалоги, куплеты, сценки с натуры, сон, пародии, «перепевы», афоризмы и др. Сатирические произведения В. Курицына были в основном невелики по объему: буквально от двух-трех строчек до половины полосы, максимальное количество текста содержит только «Сон Замухрышкина» (Бубенцы. 1906. № 40). Прежде всего это было связано с концепцией журнала, в котором приветствовались именно небольшие материалы. С другой стороны, Курицын одновременно в 1906 г. начал писать и публиковать роман «Томские трущобы», и ему могло не хватать времени на создание объемных сатирических произведений.

Осмысля происходящие события периода Первой русской революции 1905–1907 гг., В. В. Курицын внимательно всматривался в окружающую действительность, «протоколируя» ее и обличая. Как и в первых очерках, в сатирических произведениях писатель был далек от социального «позитива»: его герои находятся в состоянии кризиса, разрушения, упадка – и во внешней, социальной, жизни, и в духовной сфере.

Центральным мотивом сатирических произведений «Дона Валентино» был конфликт между людьми, обусловленный общественно-политической обстановкой в стране. Революция перевернула жизнь обывателей, беззащитных перед лицом перемен. Особенный интерес Курицына вызывали две категории населения: привилегированные чиновники разных уровней и бесправные городские жители – «очень скромные лица», подобные герою «Сна Замухрышкина». Действие в сатире Курицына происходило, как правило, в двух городах – в Томске и Санкт-Петербурге. Первый олицетворял собой российскую провинцию, а второй – всю Россию: столица представляла своеобразным зеркалом, в которое смотрится и в котором отражается вся современная жизнь.

Темой для выступлений Курицына служила прежде всего политика: выборы, новые партии, введение военного положения в Томске, цензура, обострение рабочего вопроса и другие реалии революционной эпохи.

Вероятно, под влиянием революционной общественной обстановки Курицын решил попробовать себя в новом жанре – уголовном романе-хронике, где действуют представители социального «дна»: воры, убийцы, падшие женщины. Но именно в этом жанре писатель получил возможность оторваться от угнетающей его действительности. В мире «Томских трущоб» нет революций и военного положения, жизнь героев наполнена планированием преступлений, поражениями и победами – но не общественной жизнью. В этом отношении опыт сатирической деятельности Курицына оказался важным этапом его становления как прозаика «авантюрного», уводящего своего читателя в вымышленные миры.

Если первые свои произведения Курицын подписывал собственным именем (Валентин Курицын), то в сатирической журналистике он использовал такие

псевдонимы, как «Дон Валентино», «В. К. Кур», «Валентин К-цын». Первый роман Курицына был подписан также псевдонимом – «Не-Крестовский»: это была прямая отсылка читателя к известному писателю Всеволоду Крестовскому, автору романа «Петербургские трущобы»⁴. Отсылка – и одновременно отрицание, ведь Курицын – не Крестовский, а в романе описывались трущобы не петербургские, а томские. Эта «литературная переключка» была понятна читателям газеты «Сибирские отголоски», в которой начал печататься роман «Томские трущобы». Псевдоним «Не-Крестовский» Курицын использовал и для других романов, следов его своей «литературной маской».

Можно предположить, что идея написать роман на местном материале была подсказана Курицыну его постоянным издателем Долгоруковым. В пользу этой версии говорит, например, тот факт, что Долгоруков на заре своей газетной карьеры, еще во время своего сотрудничества с газетой «Сибирский вестник», выступил как автор романа-хроники «В житейском омуте» (произведение было подписано псевдонимом «Г. В. Суздальский»). В 1890 г. в «Сибирском вестнике» опубликованы главы из первой части этого романа, которая называлась «Литературная богема». Всего роман, как писала редакция, должен был состоять из трех частей: «Литературная богема», «Мишура и грязь» и «Тюрьма и край неволи», а хронологически роман должен был охватить 1860-е и 1870-е гг. (Сибирский вестник. 1890. № 67).

В центре повествования в этом романе судьба молодого графа Алексея Петровича Нагорова, живущего в Санкт-Петербурге и занимающегося литературным трудом, и его окружения. Во второй части романа Долгоруков собирался описать уголовную авантюру, в которую оказался втянут Нагоров, а третья часть была бы посвящена суду и ссылке.

Сюжет в общих чертах совпадал с биографией самого Долгорукова, столичного литератора, который был осужден за мошенничество и выслан в Сибирь. О причинах прекращения долгоруковского романа нет сведений, но можно предположить, что это было связано с невысокой читательской оценкой появившихся в газете глав. Они были написаны довольно поверхностно, характер главного героя очерчен самыми общими чертами, событийный ряд не отличался особой динамикой. В целом можно говорить о том, что В. А. Долгоруков не смог справиться с такой крупной и сложной формой, как роман, однако он мог подать идею и в любом случае поддержал Курицына, который успешно выступил на романном поприще.

«Томские трущобы» оказались чрезвычайно востребованы у публики: роман после публикации в газете был немедленно издан отдельной книгой в 1908 г. тиражом 1 500 экземпляров, который был в скором времени раскуплен (Сибирские отголоски. 1908. № 154). Затем роман был переиздан в 1909 г.

Если читатель, открывая роман «Томские трущобы», ожидал найти пародию на «Петербургские трущобы» или «продолжение» на местном материале известного сюжета, то его ожидало явное разочарование. Роман Курицына был абсолютно самостоятельным произведением, следовавшим, тем не менее, некоторым принципам, на которых был в свое время основан роман Крестовского. Сходство

---

⁴ Роман «Петербургские трущобы» В. Крестовского был впервые опубликован в журнале «Отечественные записки» в 1860-е гг., отдельным изданием вышел в 1867 г.

заклучалось в том, что оба автора – и петербургский, и томский – обратились к изображению социального «дна», к жизни мошенников, уголовников, воров и проституток. Но если Крестовский имел в виду постановку социальных задач и тем самым выходил за рамки бульварного криминального романа, то Курицын ограничился описанием будней «криминальных авторитетов» дореволюционного Томска, не претендуя на решение масштабных художественных задач. В «Томских трущобах» отсутствовал элемент социального романа, это менее всего «книга о сытых и голодных», как определял свои «Трущобы» Крестовский. Обращает на себя внимание и полное отсутствие положительных персонажей в романе Не-Крестовского: ни один из героев «Томских трущоб» не вызывает особых симпатий, а единственная любовная линия (Кочеров и Катя) оказывается довольно неубедительной (см. также: [Нисова, 2019]).

Сюжет романа «Томские трущобы» заключался в описаниях уголовных авантюр нескольких главных персонажей, которые планировали и совершали ограбления и убийства (с разной степенью успешности), вели переговоры и отмечали удачные дела в ресторанах, встречались со своими «дамами полусвета». Внимание было сосредоточено в основном на жизни двух людей: это Кондратий Петрович Егорин (человек с темным прошлым, домовладелец и коммерсант, который является главным организатором преступлений) и Иван Семенович Кочеров, молодой человек, вовлеченный Егориним в уголовный мир. Вокруг этих центральных фигур в романе действовал целый ряд их знакомых: подельников, содержателей притонов, владельцев харчевен и т. д. Соответственно появлялись и быстро исчезали из повествования жертвы преступлений, такие, как, например, иркутский купец Рогов. Действовали здесь и герои, которые стали главными в последующих романах: это любовница Ивана Кочерова Екатерина Михайловна (Катя), преступники Сенька-Козырь и Сашка Пройди-Свет, сыщик Залетный («томский Шерлок Холмс»), представители «полусвета» Загорский и Шельмович и некоторые другие. Особняком в романе стояла загадочная фигура «Человека в маске», возглавляющего «Шайку мертвой головы»: его таинственные появления и вмешательства в авантюры Егорина придавали сюжету дополнительную динамику.

Кроме линий собственно уголовной, мистической (связанной с «Человеком в маске») и любовной (романы Кати с Сашкой Пройди-Светом, а после его исчезновения – с Иваном Кочеровым), в романе четко прослеживалась линия «этнографическая»: во многих главах Курицын давал яркие зарисовки жизни Томска начала XX в., описывал обстановку танцевальных вечеров, маскарадов, атмосфере скачек на ипподроме, меню ресторанов и харчевен и т. д.

Подробности ограблений и убийств Курицын не смаковал, ограничиваясь перечислением совершаемых преступниками действий. Со своими жертвами они расправлялись в романе довольно хладнокровно, и только один раз в романе возник момент душевной борьбы – во время разговора Ивана Кочерова с Егориним, который предлагал поправить расстроенные денежные дела очередным преступлением: «Кочеров молчал. В душе его боролись противоречивые чувства: и опасения за свою безопасность, и жажда быстрого обогащения, и боязнь показаться трусом в глазах Егорина... не проснулись только в этой молодой безвольной душе, рано утратившей и совесть и веру, ни одного порыва возмущенного нравственного чувства...» (Глава 19. Первый шаг к виселице») [Не-Крестовский, 2020, с. 203].

Роман окончился торжеством правосудия: Егорин был арестован, Кочеров осужден и приговорен к повешению вместе с подельником Михладзе. Но Сеньке-Козырю удалось сбежать, уехала из города Катя. Последняя глава прерывалась на сцене перед казнью Кочерова: «Здесь, щадя нервы читателей, мы опустим занавес и простимся с этими двумя из наших героев – навсегда! Дальнейшая судьба лиц, выведенных на страницах этого романа, послужит предметом другого повествования. Развивая цепь последующих событий, более близких к нам по времени, мы еще не один раз встретимся с героями “Томских трущоб”» (Глава 45. «Накануне казни») [Не-Крестовский, 2020, с. 285].

Читатели «Сибирских отголосков» действительно были уже заранее предупреждены о том, что их ждет продолжение романа: газета поместила объявление о новом «большом уголовном романе из местной жизни “Человек в маске”» – долго до окончания «Томских трущоб».

Роман «Человек в маске» публиковался в тех же «Сибирских отголосках» на протяжении 1908–1910 гг. С одной стороны, он был продолжением романа «Томские трущобы», с другой – это произведение представляет собой целостный законченный текст, с собственным развернутым и полностью завершенным сюжетом.

Второй роман Курицына в полной мере раскрыл романские способности автора. Дело в том, что «Томские трущобы», несмотря на всю их известность и популярность, достаточно схематичны и наибольший интерес представляли и представляют из-за своей «привязки к местности»: действия происходят на известных томских улицах (Почтамтская, Магистратская, Обруб), в зданиях, которые сохранились и в начале XXI в. (гостиница «Европа» – нынешний магазин «1000 мелочей»), и т. д. Однако «Человек в маске», кроме этого, содержит и характеры, динамично развивающиеся на протяжении повествования, и необычные сюжетные ходы, которые могут быть соотнесены с европейскими традициями авантюрных романов, и развернутые пейзажные зарисовки, и т. д. Несмотря на то, что у обоих произведений Курицына довольно много общих персонажей, которые «перекочевали» из «Томских трущоб» в следующий роман, в «Человеке в маске» герои взаимодействуют и развиваются более глубоко, а подчас и весьма неожиданно.

Действие в этом романе развивается по нескольким линиям, и главная из них связана с новым героем – Станиславом Андреевичем Гудовичем, вокруг которого собирается новая шайка мошенников, промышляющих в основном карточным шулерством. К Гудовичу присоединяется его родственница – польская красавица Ядвига, и в этой же компании появляется Сергей Загорский, авантюры которого с целью быстрого обогащения составляют отдельный сюжет романа. Линия Загорского выводила читателя из «трущоб» на уровень томского «полусвета»: в качестве его компаньонов в романе появляются зажиточные коммерсанты Огнев, Дубинин, Вишняков, Беркович и др. Знакомство этих людей с золотопромышленником Савелием Петровичем Бесшумных, который владеет тайной мифического Золотого ключа, организует повествование и позволяет Курицыну «увести» действие из города на природу, к хорошо знакомым ему сюжетам приисковой жизни.

Действие «Человека в маске», таким образом, происходило не только в Томске, но и в Барнауле, в Новониколаевске, на заимках и в тайге, на золотых приисках; герои путешествовали на пароходах и на лошадях, а не только перемещались

из ресторана в трактир, как это преимущественно происходило в «Томских трущобах». Значительно усилена в романе была мистическая линия: «Человек в маске» предстал здесь как неуловимый «Король преступников», которому в результате удалось погубить сыщика Залетного; он также оказывался вампиром, который пьет кровь своих жертв и таким образом сохраняет свою силу и молодость, и т. д. Многочисленные приключения героев, их взаимодействие, внезапное переплетение разных линий держит читателя в напряжении до самого окончания романа.

После публикации «Человека в маске» Курицын попробовал свои силы в качестве автора двух романов, которые публиковались в «Сибирских отголосках» одновременно в 1910 г. Хронология выглядела следующим образом:

- 24 января 1910 г. завершилась публикация романа «Человек в маске» (Сибирские отголоски. 1910. № 14);
- 28 января началась публикация «романа-хроники из событий 1905 года» «В зареве пожара» (Сибирские отголоски. 1910. № 16);
- 20 мая параллельно с «революционным романом» начал публиковаться роман «В погоне за миллионами» (Сибирские отголоски. 1910. № 72).

Романы «В зареве пожара» и «В погоне за миллионами» и прекращены были одновременно, поскольку с 1 августа 1910 г. газета «Сибирские отголоски» перешла от Долгорукова к новым издателям, В. Т. Молотковскому и М. И. Преловскому. Они первым делом сменили нумерацию «Сибирских отголосков» и в № 1 за 1910 г. объявили, что газета будет выходить «в увеличенном формате, под новой редакцией и при новом составе сотрудников» (Сибирские отголоски. 1910. № 1). В обновленных «Отголосках» уже не нашлось места ни Курицыну, ни его романам.

В итоге роман «В зареве пожара» был опубликован в составе пролога «Побежденные», первой части «Весенние грозы» (32 главы) и второй части «Под знаменами свободы» (3 главы), а роман «В погоне за миллионами» остался на страницах газеты в виде десяти глав первой части «Под гипнозом страсти».

В отчете П. Виноградова, инспектора по делам печати в г. Томске, который характеризовал газету «Сибирские отголоски», давалась следующая характеристика роману Курицына: «В рубрике фельетона довольно много места занимал роман из местной жизни с революционным пошибом: “В зареве пожара”» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182). Действительно, сюжет опубликованных частей романа «В зареве пожара» строился вокруг деятельности революционеров: здесь была описана деятельность подпольной типографии, подготовка к проведению демонстрации, тайная сходка, собственно демонстрация, «химическая obstruction» в управлении железной дороги и т. д. В центре повествования находилась фигура революционера Ремнева, приехавшего в Томск, его жены, семьи Косовых.

Логично предположить, что для обывателя, далекого от подполья, работа революционеров выглядела такой же необычной и авантюрной, как и деятельность «королей преступного мира», которая описывалась Курицыным в параллельно публикующемся романе «В погоне за миллионами». Конечно, тематически последние два романа Не-Крестовского коренным образом отличались друг от друга. В «революционном романе» шла речь о подготовке к событиям Первой русской революции и общественном движении в сибирской провинции, а во втором,

заявленном как продолжение «Томских трущоб» и «Человека в маске», вновь началась охота мошенников за «легкими деньгами». Но на газетной полосе они размещались одинаково, поскольку принцип подачи материала определялся особенностью формата: главы были небольшого размера, размещались в «подвале» (нижней части) газетной страницы, каждая глава имела броское, чаще всего «интригующее» название, а в тексте глав постоянно встречались отсылки к событиям и героям, о которых говорилось в предыдущих номерах.

Что же касается нового уголовного романа, то он начался с появления в «великосветском притоне» уцелевшего героя «Человека в маске» – Гудовича, который вновь принимает участие в сомнительных авантюрах, связанных с неким загадочным «клубом обреченных Ваалу». Можно предположить, что, если бы роман был продолжен, к читателю вновь вернулись бы и Сенька-Козырь (который, судя по предыдущим романам, вызывал большую симпатию у Курицына), и некоторые другие «сквозные персонажи» предыдущих романов.

Кроме романов, опубликованных в «Сибирских отголосках», известно по крайней мере об одном нереализованном проекте романа Не-Крестовского «Обреченные Молоху»; о нем газета писала следующим образом:

От редакции. <...> на страницах «Сибирских отголосков» будет помещено новое произведение того же автора – сенсационный уголовный роман из кафешантанного мира под заглавием «Обреченные Молоху» (канвой для этого романа послужили действительные события недавнего прошлого) (Сибирские отголоски. 1909. № 6).

Этот роман не был опубликован (а возможно, не был и написан), но в том же 1909 г. Курицын начал работу над другим романом – «Тайны томских ночей». В отличие от всех остальных, он публиковался не на страницах «Сибирских отголосков», а выходил в 1909 г. отдельными небольшими выпусками, по главам, которые носили «сенсационный» характер: «Загородная кража 285 тыс. руб. из почтового вагона», «Туз пик – вестник смерти», «Загадочная драма в поезде», «Тайна красной незнакомки», «В вертеле порока и страстей». До наших дней эти выпуски не дошли, только в Российской государственной библиотеке удалось отыскать один выпуск – № 2, под названием «Туз пик – вестник смерти». Глава открывалась характерной для Курицына зарисовкой поезда:

Ночь опускалась над пустынной равниной.

Экспресс мчался быстрее птицы, сыпя в темноту ночи огненными искрами.

...Пусто, неприветливо и холодно было на полях, прилегающих к полотну линии.

Весело, оживленно и тепло в вагоне-столовой.

Пассажиры скорого поезда, в этом прекрасно обставленном салоне чувствовали себя как в стенах ресторана...

Хлопали пробки откупориваемых бутылок, гремела посуда, суетились лакеи»

[Не-Крестовский, 1909, с. 3.]

В поезде встречались действующие лица романа: Петр Александрович Камнев, его попутчик мистер Ральф, таинственная незнакомка – дама под вуалью, Яков Ааронович Ганевич – «один из крупных железнодорожных подрядчиков, ворочавших миллионными делами», и др., но о дальнейшем развитии сюжета неизвестно.

«Романная история» Курицына в итоге сложилась следующим образом.

- «Томские трущобы», «уголовный роман-хроника в 2-х частях». Место и год публикации: «Сибирские отголоски», 1907–1908. Роман закончен.
- «Человек в маске», уголовный роман из местной жизни. Продолжение романа «Томские трущобы». Место и год публикации: «Сибирские отголоски», 1908–1910. Роман закончен.
- «Обреченные Молоху», «сенсационный уголовный роман из кафешантанного мира» (нереализованный проект романа). «Сибирские отголоски», предполагаемый год публикации – 1909.
- «Тайны томских ночей», уголовный сенсационный роман. Место и год публикации: Томск, Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1909. Судьба романа неизвестна.
- «В зареве пожара», роман-хроника из событий 1905 г. Место и год публикации: «Сибирские отголоски», 1910. Роман не окончен, так как газета перешла в другие руки и изменила концепцию.
- «В погоне за миллионами», уголовный роман из современной жизни. Продолжение романов «Томские трущобы» и «Человек в маске». Автор – В. Курицын, псевдоним «Не-Крестовский». Место и год публикации: «Сибирские отголоски», 1910. Роман не окончен, так как газета перешла в другие руки и изменила концепцию.

Романы «Не-Крестовского» открыли новую страницу в истории сибирской литературы. Они представляли новую разновидность сибирского «газетного романа» – уголовного, приключенческого, авантюрного, с элементами мистики. У массовой публики эти романы пользовались чрезвычайной популярностью, известно по крайней мере о двух переизданиях первого из этой серии романа «Томские трущобы», выпущенных в 1908 и 1909 г. в Томске. Одновременно романы подвергались жесткой критике со стороны передовых сибирских литераторов и журналистов, оценивавших их как «пошлость» (В. Крутовский), «лубочный товар» и «желтую проповедь» (Г. Гребенщиков) и т. д.

Скандалная известность романов и неприятие их со стороны «демократов» привели к тому, что литературоведение XX в. отнеслось к этим произведениям прохладно. О В. В. Курицыне упоминалось во всех литературных энциклопедиях и работах, посвященных литературе Сибири, романы же в лучшем случае удостоивались нескольких строчек с характеристикой «авантюрно-сатирические» (см., например: [Очерки русской литературы Сибири, 1982, с. 515]). Однако современный литературоведческий дискурс позволяет по-новому, непредвзято взглянуть на романы Не-Крестовского, открыть в них связь с мировой литературной традицией авантюрного романа, с большим успехом развернутой на местном сибирском материале.

Появление авантюрных романов Не-Крестовского совпало с тенденцией расширения массовой аудитории в начале XX в., вовлечению в круг чтения газет малообразованного жителя российской провинции, из-за активизации общественной жизни (Русско-японская война, Первая русская революция и т. д.) вынужденного обратиться к новым для него источникам информации. В этом смысле и Долгоруков, и Курицын уловили «дух времени» и вполне соответствовали читательскому запросу. Несмотря на жесткую критику современников, Курицын был востребованным и популярным автором в Сибири, а его произведения были переизданы

в конце XX и в начале XXI в. в Томске, а часть произведений вошла в сборник материалов литератора [Валентин Владимирович Курицын..., 2017].

Но все-таки – как же быть с поэтическим даром «Не-Крестовского»? Правда, что авторы «Советской сибирской энциклопедии» отказывали Курицыну в признании его поэтического таланта: «Стихи Курицына бессюжетны, субъективны по темам, банальны по форме» [ССЭ, 1931, с. 1131]. Но Гребенщиков высоко ценил этого поэта, и современники считали возможным публикацию его избранных поэтических произведений. Однако сегодня найти стихотворения Курицына непросто: они разбросаны на страницах малоизвестных томских изданий. Два стихотворения можно найти в литературных журналах Томска, которые указывали Валентина Курицына в качестве постоянного литературного сотрудника – «Молодая Сибирь» (1909) и «Сибирская новь» (1910). Произведения Курицына, опубликованные в этих журналах, действительно свидетельствуют о «нежной» и «элегически грустной» музе этого литератора. Характерным примером его поэтического творчества может служить следующее произведение:

* * *

У берегов неведомого края,
Где дышит все безоблачной весной,
Где песни дивные, усталый слух лаская,
Навеют грузы нам о счастье светлом рая, –
Там отдохнем, родная, мы с тобой!
Нам тяжело, и оба мы устали...
О, друг мой бедный, полно, не грусти!
Из мира лжи, насилий и печали,
Уйдем туда – к таинственной той дали,
И скажем жизни гордое «прости»!
Там расцветет душа твоя больная,
Вернется смех и молодость твоя...
...У берегов неведомого края,
Последним сном навеки засыпая,
Я буду твой – навеки ты моя!
(Молодая Сибирь. 1909. № 2)

Разносторонний талант Курицына не смог развернуться в полную силу – и из-за его слабого здоровья, и из-за того малого количества лет, которое он прожил на свете, и из-за его тяжелых жизненных обстоятельств. Он не был по достоинству оценен современниками, но спустя столетие становится понятно, что Курицына можно с полным правом отнести к масштабным литературным фигурам Сибири, достойным исследовательского внимания.

Список литературы

Валентин Владимирович Курицын (Не-Крестовский): Сб. материалов / Том. обл. универсальная науч. б-ка им. А. С. Пушкина; сост. А. В. Яковенко; ред. С. С. Быкова, Л. В. Чередникова. Томск: Красное знамя, 2017. 240 с.

Всеволод Алексеевич Долгоруков: Сб. материалов / Том. обл. универсальная науч. б-ка им. А. С. Пушкина; сост.: В. М. Костин, А. В. Яковенко, ред. С. С. Быкова. Томск, 2013. 240 с.

Жилиякова Н. В. «Томск газетный». Становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска // Вестник ТГУ. 2009. № 323. С. 23–30.

Зильберман Ю. Я. Памяти поэта и писателя В. В. Курицына (Не-Крестовского) (К 100-летию со дня смерти) // Отчет клуба краеведов «Старый Томск» за 2011 год. Томск, 2012. С. 14–19.

Крутовский В. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск: Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912 (Бесплатное приложение к газете «Сибирская жизнь» за 1912 год). С. 279–309.

Не-Крестовский (В. В. Курицын). Томские труппы. Человек в маске. В погоне за миллионами: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. В. Жилияковой, М. В. Могилатовой. Томск: Полиграфическая компания, ООО «Интегральный переплет», 2020. Т. 1. 598 с.

Не-Крестовский (Курицын, Валентин). Тайны томских ночей. Глава. 2. Туз пик – вестник смерти. Томск: Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1909. 16 с.

Нисова М. В. «Труппы» петербургские и томские: от подражания до художественной рецепции // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 73–86.

Нисова М. В., Жилиякова Н. В. «Дон Валентино» обличает: специфика сатиры В. В. Курицына в период сотрудничества с сатирико-карикатурным отделом «Бубенцы» // Журналистский ежегодник. 2017. № 6. С. 50–54.

Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; под ред. А. П. Окладникова (гл. ред.) и др. Новосибирск, 1982. Т. 1. 608 с.

ССЭ – Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1931. Т. 2: З–К. 1152 с., [42] л. илл., карт.

Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / Отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 328 с.

Список источников

Бубенцы. Сатирическо-карикатурный отдел газеты «Сибирские отголоски». Томск, 1906–1909.

ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182; Ф. 214. Оп. 24. Д. 4577.

Молодая Сибирь. Томск, 1909. № 2.

Сибирская жизнь. Томск, 1911.

Сибирские отголоски. Томск, 1907–1910.

Сибирский вестник. Томск, 1890.

Сибирский наблюдатель. Томск, 1902–1906.

References

Krutovsky V. Periodicheskaya pechat' v Tomske. In: Gorod Tomsk [The City of Tomsk]. Tomsk, Izdanie Sibirskogo tovarishhestva pechatnogo dela v Tomske, 1912 (Besplatnoe prilozhenie k gazete "Sibirskaya zhizn" za 1912 god), p. 279–309. (in Russ.)

Ne-Krestovsky (Kuritsyn, Valentin). *Tayny tomskikh nochey*. Glava. 2. Tuz pik – vestnik smerti [Secrets of Tomsk nights. Chapter. 2. Ace of spades is the messenger of death]. Tomsk, Printing house of the Shelter and the House of Diligence, 1909, 16 p. (in Russ.)

Ne-Krestovsky (V. V. Kuritsyn). *Tomskie trushchoby. Chelovek v maske. V pogone za millionami* [Tomsk slums. Masked man. In pursuit of millions]. Prep. of the text, intr., comments by N. V. Zhilyakova, M. V. Mogilatova. Tomsk, Printing company, Integral binding LLC, 2020, vol. 1, 598 p. (in Russ.)

Nisova M. V. “Trushchoby” peterburgskie i tomskie: ot podrazhaniya do khudozhestvennoy retseptsii. *Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 2, p. 73–86. (in Russ.)

Nisova M. V., Zhilyakova N. V. “Don Valentino” oblichayet: specifika satiry V. V. Kuritsyna v period sotrudnichestva s satiriko-karikaturnym otdelom “Bubentsy”. In: *Zhurnalistskiy ezhegodnik* [Journalist Yearbook], 2017, no. 6, p. 50–54. (in Russ.)

Ocherki russkoy literatury Sibiri [Essays on Russian literature in Siberia]. In 2 vols. Academy of Sciences of the USSR, Sib. department, Institute of History, Philology and Philosophy; Eds. A. P. Okladnikov (Ch. ed.) et al. Novosibirsk, 1982, vol. 1, 608 p. (in Russ.)

Sibirskaya sovetskaya enciklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. In 4 vols. Novosibirsk, West-Siberian branch of OGIZ, 1931, vol. 2, 1152 [+ 42] p. (in Russ.)

Tomskiy nekropol'. Spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbishchakh. 1827–1939 [Tomsk necropolis. Lists and obituaries of those buried in old Tomsk cemeteries. 1827–1939]. Ed. by N. M. Dmitrienko. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 2001, 328 p. (in Russ.)

Valentin Vladimirovich Kuricyn (Ne-Krestovski). Collection of materials. Tomsk Regional Universal Scientific Library named after A. S. Pushkin; comp. A. V. Yakovenko; eds. S. S. Bykova, L. V. Cherednikov. Tomsk, Red Banner Publ., 2017, 240 p. (in Russ.)

Vsevolod Alekseevich Dolgorukov. Collection of materials. Tomsk Regional Universal Scientific Library named after A. S. Pushkin; comp. by V. M. Kostin, A. V. Yakovenko, ed. by S. S. Bykov. Tomsk, 2013, 240 p. (in Russ.)

Zhilyakova N. V. “Tomsk gazetnyy”. Stanovlenie i formirovanie sistemy gazetnoy periodiki dorevolutsionnogo Tomska. *Vestnik TGU* [The Bulletin of TSU], 2009, no. 323, p. 23–30. (in Russ.)

Zilberman Yu. Ya. Pamyati poeta i pisatelya V. V. Kuritsyna (Ne-Krestovskogo) (K 100-letiyu so dnya smerti). In: *Otchet kluba kraevedov “Staryj Tomsk” za 2011 god* [Report of the club of local historians “Old Tomsk” for 2011]. Tomsk, 2012, p. 14–19. (in Russ.)

List of Sources

Bubentsy. Satiricheskoe-karikaturnyi otdel gazety “Sibirskie otgoloski” [Bells. Satirical-caricatured section of the newspaper “Siberian echoes”]. Tomsk, 1906–1909. (in Russ.)

Molodaya Sibir [Young Siberia]. Tomsk, 1909, no. 2. (in Russ.)

Sibirskaya zhizn [Siberian life]. Tomsk. 1911. (in Russ.)

Sibirskie otgoloski [Siberian echoes]. Tomsk. 1907–1910. (in Russ.)

Sibirskiy nablyudatel [Siberian observer]. Tomsk. 1902–1906. (in Russ.)

Могилатова М. В., Жилиякова Н. В. О творчестве В. В. Курицына

Sibirskiy vestnik [Siberian Bulletin]. Tomsk. 1890. (in Russ.)
State Archives of the Tomsk Region. F. 3. In. 12. D. 735. P. 181–182; F. 214. In. 24.
D. 4577. (in Russ.)

Сведения об авторах

Могилатова Мария Викторовна – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)
newspaper_2401@mail.ru

Жилиякова Наталья Вениаминовна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики факультета журналистики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)
retama@yandex.ru

Information about the Authors

Maria V. Mogilatova – Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature of the Philological Faculty, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
newspaper_2401@mail.ru

Natalia V. Zhilyakova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of the Faculty of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
retama@yandex.ru

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2